
Галина Климова

ПТИЦЕЛОВ

Рассказ

Ногу оттяпали с размахом — выше колена. И зря молодой хирург клялся здоровьем мамы и будущих детей. Все понеслось под диктовку смертельно полыхнувшей гангрены.

Короткометражка памяти — черно-белый промельк — запнулась, задергалась, будто в глаз экрана попала соринка — скорей бы проморгаться. Выкатилась слеза. И жизнь приобрела знакомое постное выражение, совсем как в телевизоре «Рекорд» времен провинциального советского детства.

Боль — сколько пугали фантомными болями! — пока не накатила. Культя затаилась. Олег с брезгливостью поглядывал на этот уродливый огузок, с которым предстояло свыкнуться и жить дальше полноправным (или полноценным) инвалидом с костылем. Смочил минералкой губы, причмокнул. Мерзкий химраствор из какого-то гаража в Малаховке. Не для людей. Для опытов над людьми. Вот в Армении вода так вода! Говорят, вода скоро будет дороже вина. Дороже французского гран крю. Не зря ж Серёга, его одноклассник, женатый на армянке, непременно кроме коньяка привозил ему из Еревана хлеб матнакаш и бутылку воды — не магазинной, ни боже мой! — из источника в Эчмиадзине. Олег верил, что вода из Эчмиадзина если уж не святая, то живая, и память у нее — покрепче, чем у людей. Какая-то планетарная, дочеловеческая память. И по утрам натошак, как бы приобщаясь, впускал в себя живую воду, делал три мелких глотка, почему-то три... А сейчас хоть бы глоток, ну даже пол-глотка.

Короткометражка застопорилась. Но слепящими титрами загоралось и гасло, загоралось и гасло, и снова крупно, прописными: СЫН.

— Да, да... Жив? Кто из нас жив?

Олег впервые влюбился на первом курсе. И не пожалел. Его ненаглядная Лада забеременела уже в медовый месяц, отчего впала в отчаяние, доходившее до классических сцен со слезами и упреками. Натуральная платиновая блондинка с мимикрирующими глазами — от светло-голубых до темно-серых — тянула на дорожную куклу-моргалку с длинными ресницами, с капроновым бантом в витрине любви и полного благополучия на руках у мамы-папы, на коленях у бабы-деды. Единственной дочке и внучке двух

Климова Галина Даниелевна — поэт, прозаик, переводчик. Автор восьми книг стихов (три из них вышли билингва в Болгарии), двух книг прозы, составитель трех антологий поэзии. Лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец» (2004), финалист Международной премии им. Фазиля Искандера (2018) и др. Живет в Москве.

директоров столичных предприятий перечить и отказывать было категорически противопоказано. Да никто и не пытался. Но когда встал вопрос — рожать-не-рожать? — тут-то и пошли пикировки, перепалки, страсти: рано или нет? может, все-таки встать на ноги, для себя пожить, хотя бы лет пять? что с профессией, с местом под солнцем? Все эти интеллигентские нюни молодой зять пресек лобовой атакой:

— Ребенок — это дар. Значит, жизнь. Она не стоит на месте. Ребенок уже в пути. Не задержать, не остановить. И он — член семьи. Такой же, как мы. Если б не он, мы бы тут гоняли чай, трындели о погоде и перемывали кости правительству. Но мы — который день — только о нем. Ребенок — самое главное, что у нас есть. Хоть мы и говорим о нем свысока. Тоже мне, — Олег с вызовом оглядел высоких родственников, никого не пропустил, — якобы ареопаг, якобы вершители судеб... — Махнув залпом почти поллитровую кружку чая, обтер рот рукавом светлого свитера и продолжил с напором: — Судьба ребенка от нас не зависит. А наши судьбы, в первую очередь, моя и Ладкина, зависят теперь от него. Не от вас. Вот и сейчас, маленький головастик, он всё слышит — ушные отверстия уже сформировались — и, наверное, вздрагивает: *нужен-не-нужен, пора-не-пора!? Что за фигня?*

Чаевничали молча, будто входили во вкус. Оба директора — каждый в себе — в производственных заботах. Только теща поддерживала Олега кивками. Лада промокала салфеткой набухшие глаза и деликатно шмыгала носом, рассчитывая на сочувствие. Нет, больше. Если честно, на всеобщую — хором — любовь. Ребенок и вправду нехстати — не вообще, конечно, а конкретно в этот момент. Светила годовая стажировка. Маячила Сорбонна. И в мыслях, и во сне Ладка, как сомнамбула, уже брела на запах жареных каштанов где-то в районе Латинского квартала, фланировала, своя в доску, по Елисейским полям, балдела с чашечкой кофе на бульварах... Все ее рафинированное существо рвалось в Париж, в Париж, в Париж! Правда, не меньше престижной стажировки хотелось стать «хорошей женой и надежным тылом», — таким тостом отец при гостях чествовал безропотную жену Иру, Ладкину маму, которая, по его же словам, но уже для внутреннего пользования, почему-то всегда крайняя.

Лада любила Олега. Что-то от праздника было в его простоватом лице и смышленном взгляде самородка. Хотя в затхлых буднях шахтерского барака под Воркутой, где он вырос, особых праздников не знали, кроме, может, дней зарплаты, Нового года и запуска в космос Юрия Гагарина. Когда Олег стал победителем то одной, то другой школьных олимпиад по математике, в семье научились улыбаться. И гордиться успехами сына. А когда он вернулся с победой из Москвы, родители закатили невиданной широты застолье. С гармошкой. Барак гудел всю ночь. Соседи заучивали наизусть: Москва, МГУ, мехмат, стипендиат. А дальше не то что не выговорить — вообразить невозможно: ослепительный горизонт будущего. Ничего общего с горизонтом подземных (или даже открытых) разработок угля.

Ребенка решили оставить. Река семейной жизни не вышла из берегов.

Ванечка родился весной. Крупный, спокойный, красивый. Но через полгода тяжело и непонятно заболел: каждый месяц в одни и те же числа температура взлетала до сорока, он не ел, не спал, только стонал и много пил. Олег и Лада попеременно носили его на руках, тетешкали. Проходило три-четыре трудных дня, и — всё нормально, малыш весел и снова на ногах. Московские профессора руками разводили: может, перерастет?! Три года тревог и страха. Переехали на дачу под Рузу. Там Ваня впервые увидел яблоневый сад. Там же впервые вошел в лес, в запущенный, чахнувший подмосковный лес. Научился различать деревья, узнал грибы и некоторые виды цветов и трав. До визга восхищался лягушатами, выслеживал ящерок, ловил майских жуков. Однажды тусклым зимним днем, вперившись в бесцветное небо, он вскрикнул:

— Яблоко! Кр-расное!

Висевшее на замерзшей черной ветке красное яблоко вздрогнуло и улетело. Пораженный чудесным преображением Ваня навсегда полюбил птиц, пристально за ними наблюдал и жить в разлуке с ними не соглашался. Как недоумевал, как возмущался: почему люди только *ходят*? почему у них нет полых костей, чтобы *летать*? Стал стесняться своих голых рук, видя в них уродливые, недоразвитые крылья. И позже, войдя в пубертат, носил рубашки только с длинными рукавами — никаких маек.

Олег понакупил тома Брэма, определителей и иллюстрированных атласов птиц из разных природных зон — от средней полосы России до тропиков Азии и Южной Америки. Вместо волшебных сказок читал сыну про птиц.

Потом началась игра в экспедиции.

Расстелив на полу географическую карту мира, они прокладывали маршруты по морю и по суше, по горам и равнинам. В металлических грузовиках, на пластмассовых пароходах и самолетах доставляли под заказ слонов, медведей, жирафов, кенгуру. Развозили все имевшееся в наличии игрушечное зверье по зоопаркам разных городов и стран. Потом сосредоточились на птицах. Привозили и хищных, и певчих, и экзотов с других континентов, и редких краснокнижных. Перед этим изучали, где птицы обитают, где высиживают и чем кормят птенцов, куда улетают на зимовку. Увлечшись орнитологией, Олег неожиданно ощутил, что его внутреннее пространство — где-то за грудиной, душа, что ли? — просветлело и расширилось. Походка стала легкой. И дышалось легко. Казалось, что летает. Как в детских снах навыворот. И все эти счастливые изменения — от сына, с которым он так сросся, что на расстоянии чувствовал: как Ваня, что с ним... И еще. Олег впервые пожалел, что лучшие годы отдал математике, по-своему великолепной — царица! — но такой холодной. Как жил без восхищения закатами или радугой? Без радости от наивной тополиной листвы? В его календаре стояло единственное время года: дом-метро-работа. И вот Ваня, маленький первооткрыватель природы, осчастливил его. Значит, не только родители воспитывают детей, но и дети работают, чтоб родители стали лучше. Ничего похожего в его детстве, кажется, не было.

Крупнейшие зоопарки и заповедники они отмечали пунсонами и подписывали на карте.

— Хочу зоопарк, — однажды попросил Ваня.

— Мы ж в прошлое воскресенье ходили!

— Не-е... Мне, мне! — он похлопал пухлой пятерней по груди. — Купите мне зоопарк! Сейчас же! Срочно!

Они с Ладкой переглянулись, умиляясь капризу или фантазии заигравшегося сына, а он не сводил с них требовательных глаз.

Вскоре всех настигла «перестройка», выбила кресла из-под обоих директоров столичных предприятий. Отец и дед не пережили крушения страны, приватизации родных заводов и один за другим убрался в мир иной. Олег — единственный мужик и добытчик в семье — потерял работу. Их академический НИИ закрыли «за отсутствием прикладных направлений, отвечающих запросам рыночной экономики». Коллеги поодиночке и группами потянулись на заработки за кордон, где «советские мозги» росли в цене.

Он, безработный доктор наук, уезжать не собирался. Присмотрел неподалеку математическую спецшколу, где учителям — таким же неприкаянным докторам и кандидатам — разрешалось преподавать по авторским программам. И ретивый неопит, Олег, теперь уже Олег Иванович, погрузился в методические разработки с тайным прицелом — написать собственный учебник по математике. Так и видел свою фамилию

на твердом переплете и на титуле. Учительство увлекало. Изменились речь, дикция, лексика.

И Лада — куда иголка, туда и нитка. Втихую, без драмы эта кукла уволилась из архитектурной мастерской, где всё развалилось и только обнаглевшие крысы разгуливали по длинным коридорам вдоль плинтусов.

Лада дорвалась, наконец, до мольберта. Как в студенчестве, когда писала переулки осеннего Замоскворечья, старинные особняки и церкви. Нужны были свет и неожиданный ракурс. Теперь городские пейзажи сменились простенькими, в дешевом багете, натюрмортами с русским акцентом: миска янтарной квашеной капусты, горбушка ноздреватой черняшки на стопаре, пупырчатые огурцы, которые, казалось, кусни и — захрустят. К Восьмому марта — букеты ромашек, незабудок, глазастых маков на разделочных досках. Все эти коммерческие «шедевры ширпотреба» — так она говорила — каждую неделю выставлялись в Измайлове, на знаменитом вернисаже, куда по выходным стекались праздные толпы, в том числе и иностранцев. И, гордая, Ладка кричала с порога вечером:

— Мужики, кормящая мамка вернулась! — И выворачивала на кухонный стол целлофановый пакет с рублями и валютой. Олег молчал от стыда. Вон оно как!

Новая жизнь спешно хоронила старую. Что-то обещала взамен, приманивала. День за днем проживали наощупь. Как потеплело, перебрались на дачу. По воскресеньям приезжал Ваня, набирал сумки с едой и — домой. Июнь прошел, как нестихающий обложной дождь. И даже первого июля — макушка лета! — Олег затопил печку. Холод и сырость выживали из дома. У Лады вскочил ячмень. Красное веко, тяжело нависшее над глазом, выглядело угрожающе. Поднялась температура. Надо в Москву, к врачу.

На лестничной площадке от грохота хэви-метал содрогались оконные стекла, по стенам пробегала вибрация.

— Бедные соседи, — недовольно процедил Олег, отпирая бронированную дверь.

— Зато дома. Не шляется.

Ваня не услышал, как родители вошли в квартиру. Люстра ликовала шестеркой цветных хрусталей, уставившихся на блюдечко со шпротами и початую бутылку коньяка. И в кухне, и в детской, и в гостиной — никого.

— Ку-ку, сынок, мы приехали! — Ладе отозвалось глухое уханье ударника.

— Ваня! — Олег напрямик двинулся в спальню.

На их белой супружеской кровати, прижавшись к загорелой тощей блондинке, спал голый Ваня.

— Эт-то что такое? В нашей спальне? Что за дела? Бордель, притон! — голосом громовержца Олег перекрыл хэви-метал и стал за ноги стаскивать с постели сына, еще не очухавшегося от сна. — Что ты здесь устроил? П-шел вон, пьянь! Вон со своей шалавой!

Блондинка ловко юркнула в джинсы и почти одновременно в майку. Ваня присел на край кровати. Схватившись за живот и закусив губы, раскачивался взад-вперед.

— Не бордель. И не шалава, — не глядя на родителей, повел он свою тему и, как ноты, подбирал слова. Чтоб без фальши. Хотелось быть понятным. — Может, это первая любовь? Так случается. Или вы забыли?

— Первая любовь, да? Ах-ах, под коньячок трах! Пьянь, подонок — вот ты кто! — Олег размахнулся и отвесил пощечину, отбросившую Ваню навзничь. — Убирайся вон!

— Прекрати, Олег! Дело-то житейское. Он у себя дома! Не в подворотне, не в подвале, — стараясь быть услышанной, убеждала Лада мужа, а сыну подмигивала здоровым глазом: держись.

Ваня вскочил с кровати, подпрыгнул и вдруг врезал отцу по полной. Тот оторопел, захолопал глазами и уже рефлекторно занес руку в ответ, но тощая блондинка перехватила:

— Не бейте, пожалуйста! Мы уйдем. Бежим, Вань!

— На ночь глядя? Куда? Трѣхнулись все, что ли? — завопила Лада, закрывая ладонью ячмень, готовый от напряжения прорваться.

— Не вздумайте искать! Меня для вас нет. — Как ножом, отрезал в дверях Ваня.

Будто тектоническая трещина прошла в ту ночь между ними. Змея змеей, а внутри — бездна. И растет, и ширится. Ваня не простил отца. И Олег не простил себя. Хотя точно знал, это был — не он. Но кто тогда — мерзкий, злобный, враждебный? Где притаился и вдруг — как бандюга из-за угла? Умопомрачение, амок. Черный человек, не иначе. И Лада тоже испугалась. Но за сына.

— Вахлак, охламон барачный! Докторскую защитить, как два пальца облизать, а понять единственного сына — ума не хватило. Или сердца?

Ваня вернулся через неделю. Они избегали друг друга, но за ужином Олег сделал над собой усилие, взглянул ему в лицо и напоролся на каменный взгляд чужака.

Школу Ваня окончил успешно, но на биофак не поступил. Стал где-то болтаться, пропадать. Призывы к совести принимал за «белый шум». Как-то вечером ввалился возбужденным, глаза горят:

— Ну, родаки, перетереть надо.

Ладка принесла парадные чашки, нарезала «столичный» кекс. Ваня от нетерпения тербил скатерть.

— Зря окисляетесь. Мол, дармоед, паразит, неуч. Все изменится, зуб даю. Ухожу в бизнес. И от вас ухожу. Как хитрюга колобок, наш национальный супергерой. Вы, конечно, попереживаете, ну, чуток. Ну, поохаете. Слезку выдавите. Хотя не факт. Потом пожалеете друг друга и привыкнете, — ударившись лбом, он уткнулся головой в стол. Зажал руками уши. И всхлипнул. Потом вскочил, нервно двинул стулом и выдал — на срыве:

— Время перерезать пуповину, пока вы не разлюбили меня под корень. Я ж чую: маман меня в упор не видит. И ты, пап, на добровольном самоустранении. Что делать? Ну не соответствую я вашим представлениям о стандарте благополучия: универ — аспирантура — диссер. Ну не вписываюсь, хоть убейте, в советскую модель успеха. Мой успех — бизнес. Я открою частный зоопарк, первый частный зоопарк в России, — не сводя с родителей требовательных глаз, совсем как в детстве вырлил Ваня.

— *Частный зоопарк!* — передразнил Олег, уставший чувствовать себя неудачником, выпавшим из жизни, хоть и с докторской степенью в кармане. — Башку-то поставь на место. Ни образования, ни денег, ни опыта.

— Деньги? — утопающий не упустил брошенную соломинку, — деньги сами будут с неба падать. Птицами. Да-да, самыми разными птицами. Покрупней и помельче, но оч-чень дорр-огими!

— Наша опора и надежда! Может, хоть ты разбогатеешь? — Лада приобняла Ваню и поцеловала в макушку. — Глядишь, и родаков не забудешь. Отец твой выживет и на геркулесе с водой, вспомнит детство, а вот я — под вопросом. На днях загнала хрустальные бра из спальни, заметил? И что, спроси, купила? Мешок сахара — вон на балконе, пятилитровую баклажку подсолнечного масла да палку венгерского сервелата. Кормилица ваша!

— И добытчица! — иронично продолжил Ваня. — Есть чем гордиться, маман. Всё ваше поколение... — он замолк, секунду раздумывая: вломить-не вломить? — Вы все — импотенты, зомбированные совком. — Он хохотнул. Ненатурально и не к месту. И Олег, узнавший в сыне знакомого чужака, скрипнул забами. — Вам при рождении

сделали обрезание, но только не в том месте... Вам планоно обрезали крылья, чтоб не леталось. И потому у вас длинные руки — для хапануть, для заграбастать. Вам перебили ноги, чтоб далеко не бегали и стали домашними. Вам засрала мозги, чтоб нечем было задумываться. Ваша социальная справедливость — это равенство нищеты. Вот планка ваших, извините-с, мечт, ваш — потолок табуретки. Но я — другой, хотя и ваш сын. В биологическом смысле. Я так жить не бу-ду, слышите? Не бу-ду. Категорически. И только исключительно из рудиментарного чувства уважения, дражайшие предки, ставлю в известность: для меня начинается другая эра — с другими ценами на время и жизнь. Прага заказала пятьдесят снегирей. Конкретно самцов. У них грудка поэффектней, а значит — денежки, денежки!

Кровь, бросившаяся Олегу в голову, готова была пробить сухую, проносившуюся кожу на висках и вырваться фонтаном негодования.

— Торговать? Красное яблоко на ветке! Твои обожаемые снегири теперь товар?

— И что такого? Мы все — товар! — Лада подошла сзади и обняла мужа за шею. Олегу стало душно, он дернулся и сбросил ее руки. — Да, да, уцененка, секонд-хэнд, ширпотреб, штучные и лакшери. Все продается. А сынок наш кормильцем становится. Мужиком.

— Ровно через неделю, — потухшим голосом торопился завязать Ваня, — отвалю. В Вологду. В лесничество, за снегирями. Получу зеленью. Раз в сто больше, чем ваша семейная зря-плата за год.

— Это ж чистое браконьерство! Контрабанда! Тебя поймают и посадят.

Но Ваня уехал.

Начинив запаску дедова жигуленка полуживыми снегирями, он рванул с напарником через Украину, через Чоп — в Прагу. Там перед Рождеством ажиотажный спрос на снегирей как на милых домашних птичек, высвистывающих незатейливые мелодии, от которых покой и уют.

После снегирей запросили щеглов. Их Ваня ловко рассовал по двухлитровым пластиковым бутылкам из-под воды. Полная спортивная сумка.

Видеть — невыносимо.

Весной сорвался в степь за пустельгой.

И пропал.

Тогда у Олега случился первый инфаркт.

Лада — «хорошая жена и надежный тыл» — ходила в больницу как на работу: с девяти до девяти. Без выходных. Выхаживала, кормила, ставила на ноги. О сыне не говорили.

Ваня вернулся поздней осенью — загорелый, возмужавший, навсегда чужой. Ни рассказов, ни вопросов, ни денег. Однажды на ходу бросил, что готовится к крупной экспедиции за редкими видами. Нужны соколы: кречеты, сапсаны, балабаны.

— И что, все на продажу? Или для твоего зоопарка? — вяло поинтересовался Олег, живший как бы вполнакала. — Мы мало видимся. Мало говорим. Но я много думаю. Виноват я перед тобой, Ваня. Зачем шел на поводу твоих увлечений? Поощрял, потакал. Стал соучастником. Мне, безмозглому идиоту, и в голову не стукнуло просчитать риски и последствия нашей потрясающей игры! Это была только игра. Не больше. Как можно было принять ее за модель жизни? Извратить, исказить? Наизнанку вывернуть, как клокастую шубу для устрашения. Как это произошло? Процесс, похоже, необратим. Потому и винюсь перед тобой, Ваня. Ты наживаешься за счет птиц. Капитал на их свободе сколачиваешь. Сколько погибло? Скольких убил? Считал? Или уже сбился со счета? А ведь птиц ты любишь больше, чем людей, чем даже нас, твоих родителей. Как такое случилось с нами?

Ваня пыхтел, раздувал ноздри и рубанул.

— К птицам заревновал? О любви вспомнил? А сами-то?! Я вам как рыбке зонтик. Ну играл ты со мной, маленьким. Тоже мне, заслуга. Все отцы так, особенно с мальчишками. А когда меня, ботана и шкета, гнобили — то Гномик, то задрот,— ты упивался, ты угорал от докторской, потом учительствовал, прям Макаренко с Сухомлинским, блин! Маман тоже. Ах, Сорбонна! Ох, не стала руководителем мастерской! И важнее нет ничего на свете. И никого. Даже тебя. Ты хоть сам это замечал? Или тоже не до нее, пока балдел от матанализа? Достали оба! А теперь: *кого ты больше любишь — маму, папу или птичек?*

По заказу одного из эмиратских принцев Ваня наладил поставки соколов — каждый дороже мерседеса. Впридачу к ним соколиные яйца — по несколько тысяч долларов за штуку. Это длилось больше года. Предварительно усыпив и закатав в детские пеленки соколов — только узкая прорезь для воздуха — он вывозил их десятками из Астаны. В обычных чемоданах. Еще год на Дальнем Востоке охотился на китайскую утку-мандаринку, символ счастливого брака. Живописных хохлатых самцов пользовали в Китае для украшения свадебных торжеств. Узнав об этом, европейцы пришли в восторг и затребовали уток: кому — на свадьбу или юбилей, кому — декоративная садовая живность.

Под Новый год Ваня вернулся, и ему обрадовались как дорогому подарку. Все трое выглядели если не святым, то вполне счастливым семейством. Охотничьи рассказы, похожие на байки или забавные приключения, развлекали и даже смешили.

О себе ни слова.

После очередной экспедиции в Бангкок он исчез.

Тогда у Олега случился второй инфаркт: рванула задняя стенка левого желудочка. Лечение затянулось, но благодарное сердце не подвело.

Накануне выписки, в тихий час, в палату вошли двое: молодой вертлявый и матерый солидный. В халатах, шапочках и в белых сабо. Матерый присел на кровать, нащупал пульс на левой руке Олега и стал считать. Вертлявый наклонился и жарко выдохнул в ухо:

— Привет от сыночка, от Ванечки!

Олег чуть было не подскочил, но тот, который считал пульс, попридержал и как-то угрожающе придавил его к матрасу:

— Давай без дрыгов.

— Ваня жив?

— В порядке Ванёк, башка с мозгами. При полном кайфе. На Бали балуется. С горячим сыновьим приветом к тебе, папаш. Разбежаться бы надо.

— Что значит *разбежаться*?

— Должок, должок за ним.

— Какой должок?

— Да пустячишка-мелочишка. За соколиков, за тридцать кречетов — пятихатка, по старой дружбе. Не поделился Ванюша. В прятки заигрался, в обознатушки-перепятушки. А мы — цап-царап!

Молнии в глазах — зубчатые колеса — ослепили вмиг, и Олег прикрыл веки.

— Что такое пятихатка?

— Да хата твоя пятикомнатная. Не переживай, папаш! Всё порешаем. Мы ж не с пушкой из-за угла. Мы, заметь, тебя культурно навестили. Не Ванечка у смертного, заметь, одра держит слабеющую твою руку, а мы... Ого, сто двадцать жмет!

— Добить решили? Квартиру отнять? Нам с женой бомжевать? Я доктор наук...

— Про докторов не скажу, а кандидаты и спецы во всех переходах, на гитаре, на

гармошке. Или челноками снуют. Не ссы, папаш: ты нам — хату, мы твоему птицелову — жизнь. Не по мастям, так по областям!

Олег не знал таких слов, не понимал. Сердце молотом бухало в груди, дышалось тяжело, и он разрыдался.

— Без слез и шума, — навалился матерый, — у нас же тихий час. Хату тебе жалко? Гони бабло. Почем, коллега, пятихатка в генеральском доме на Соколе?

— Пара кейсов капусты.

— Ништяк. Это ж твой родительский долг, папаш! Мы, конечно, не звери, но и не лохи. Договоримся. Когда на волю, доктор наук? Хошь, на хаммере с респектом по проспекту?

Когда они ушли, Олег выдохнул из легких весь НЗ воздуха и задержал дыхание: зачем жить? И почему-то промелькнуло: *на все воля Божья...*

— Вся жизнь в потерях: страна, работа, родители, сын, теперь — квартира.

И все-таки договорились. Должок за кречетов удалось перевести в рубли и растянуть на два года.

Лада, эта художница свободного рынка, даже не ойкнула от такого сальто-мортале. Почуввав свой звездный час, подобралась, тряхнула мелированными прядями и — плоть от плоти двух директоров — распорядилась:

— Программа минимум: нам — однушка в Капотне или комната в коммуналке. Квартиру сдадим за валюту экспатам. Контакты есть. На продажу: коллекция папиных марок, картина Айвазовского, мамина брошь с бриллиантами, — загибала она наманикюренные пальцы. — Можно расстаться с козеткой и бюро из карельской березы, XVIII век. С дачей спешить не будем. Дача — в резерве. Нужны короткие живые деньги. Пойду торговать. Галка Сухотина из Моспроекта магазинчик открыла. К ней Олечка из нашей мастерской прилепилась. Девчонки меня возьмут. И ты, дорогой, пока не все извилины разгладились, подыскивай работенку. Вылечился, выздоровел и — впрягайся. Всё в наших силах.

— *На все воля Божья* — мама часто повторяла. Или молилась так? Еще говорила: *смирение сильнее надежды*. Но надеяться как-то легче, чем смиряться, правда? Только на кого надеяться? — Олег поднял глаза и, кроме жены, никого не увидел.

— Ты не про смирение, ты давай про двух лягушек, попавших в молоко. И сметанку-то лапками взбивай, взбивай!

Вскоре переехали в Капотню, а свою пятихатку сдали фирмачам. Оказалось, люди в Капотне по-другому одеты. И с другим выражением лиц. Те самые «понаехавшие». И говорят вроде по-русски, но с такой дикой, на московский слух, интонацией, которая заставляет обернуться: кто? откуда?

Метро в Капотне не было, но зато дымил нефтеперерабатывающий завод. И серая роза ветров распорядилась так, что воздухом здесь не пахло — только токсической смесью газов.

Лихая тетка с сильными руками и крутыми боками, Лада, и такие же азартные коробейницы из бывших инженеров и офицерских жен мотались за шмотьем в Турцию и Польшу. Летали и в Китай за шубами с этикетками «Made in Itali».

Ближе к лету, продав дачу, отдали больше половины долга. Лада — опять она — нашла для Олега работу: руководитель электронных программ в издательском холдинге, выпускающем энциклопедии и словари. Платили очень прилично. И Олег — в итальянском костюме, в белой рубашке — мог бы считать себя баловнем случая, если б хоть раз, хоть каким-то боком проявился Ваня. Но сын жил на другой планете, где с землянами никакой связи, даже воспоминаний.

И только когда рассчитались за кречетов, когда *разбежались*, Ваня позвонил.

— Спасибо, выручили. Молотки, родаки! Не зря именно вас я осчастливил своим

рождением, — шутил он. Голос совсем по-детски звенел и от осознания своего остроумия, и что должок, блин, наконец, отдан, он — чист, и родители вернулись на Сокол жить-поживать. — Супер! Отсалютую французским шампанским. За ваше здоровье! Может, встретимся? Например, за воскресным завтраком с гренками, слышь, ма? С настоящими, из московского нарезного батона, гренками на молоке. Запах жареных гренок — запах дома. Помню, помню... Но я в Москву никак. По многим причинам. Лучше вы ко мне. У меня шикарный дом с большим садом и бассейном. Отдохнете по-человечески. Все расходы беру на себя. Вот адресок: Филиппины, Манила...

Олег был не в силах продолжать. Какая Манила? Правая стопа опять онемела. Проклятый диабет грозил гангреной. Он поблагодарил сына за приглашение, но сослался на ногу, Лада — на «высокий сезон» в бизнесе. Ване запомнился блеклый голос отца, который — старость, наверно? — свернул разговор без вопросов и объяснений.

Перспектива ампутации стопы пугала. И Олег — пока на своих двоих — решил лететь. Немедленно. Может, в последний раз увидится с сыном.

Ваня воскликнул: браво! И его понесло. Что-то тараторил — звук пропадал — что-то про зоопарк... Неужели у него свой зоопарк в Маниле? — ...прилетай обязательно, вместе пойдём, увидишь...

И, не переводя дыхания, но деловым тоном совсем другого человека:

— Привези ящик черной икры. Как сувенир. Ящик! Для нужных людей.

Отличная слышимость. Но Олегу расхотелось в Манилу. Ваня просил, уговаривал, настаивал, убеждал, что с таможенной всё тип-топ. И накануне вылета законопослушный Олег купил у спекулянтов ящик черной икры, рассовал банки по чемодану, и благополучно сдал его в багаж.

В аэропорту Манилы Вани не было.

— Рашен? Иван? — переспросил изнуренного вида молодой таксист, когда Олег назвал адрес на английском. — Биг рашен босс!

— Мафия? — почему-то вырвалось у Олега.

— О йес, йес, оф кос, — обрадовался таксист редкому взаимопониманию с русским. — Ю рашен мафия? — темным длинным пальцем он уперся Олегу в грудь.

— Но, но...

Шофер натянул узкую угодливую улыбку и открыл заднюю дверцу новенького шевроле.

Дом в колониальном стиле потряс воображение советского ученого. Розовый камень, боковая широкая лестница из сада вела на второй этаж, на открытую террасу, обставленную белой плетеной мебелью. На парапете — скульптура орла, готового взмахнуть огромными деревянными крыльями.

Вани не было.

И гренками в доме не пахло. Правда, воскресенье только завтра.

Улыбчивая филиппинка предложила свежайший салат и рыбу. Олег ел с осторожностью, приняв обычного карпа, замаскированного острым красным соусом, за неизвестный деликатес.

Ваня приехал поздно. Усталый, расстроенный. Хотя не постарел, не погрузнел. Но выцвел. Волосы, глаза, улыбка. Все какое-то унылое. Проговорили почти до двух. Больше рассказывал Олег. И не о себе, не о Ладе — о новой жизни, о стране. Ваня слушал и разглядывал отца, оказавшегося так близко, хотя и намного дальше, чем можно было себе представить. По телефону так не казалось, и он прервал:

— Давай спать, отец! Через три часа у меня самолет. Ужасно жаль. Лечу

с инспекцией на южные острова. Там массово гибнут птицы. Надеюсь, день-два, и вернусь. Еще наговоримся.

Командировка затянулась.

И они не увиделись.

Олег остался гостить в пустоте чужого дома, где часть комнат на втором этаже была заперта. Неприякаянный, бродил по саду, больше похожему на ландшафтный парк. Дорожки, плотный газон, фонтанчик, пруд с рыбками. В огромных глиняных амфорах — вдоль главной аллеи — невысокие лимоны. Пятьдесят, — сосчитал Олег. На нижних ветках деревьев — разноцветные фонарики и небольшие вазочки с букетами живых цветов. Высоко в кроне — крикливые попугаи, прожорливые голуби и с ними еще какие-то гомонящие птицы. Крепкий молодой садовник услужливо повесил джутовый гамак.

— «Деньги с неба будут падать птицами», — припомнилось лежа в гамаке. Олег был огорчен и раздосадован. — Всё зло — в деньгах. Нам с детства внушали, — вступил он в диалог с самим собой, — деньги — не самое главное, не в деньгах счастье. Как теперь понять друг друга? К кому прилетел? В какой зоопарк?

Без лишних иллюзий и сомнений Олег вернулся в Москву. И объявил Ладе:

— Нет у нас сына. У меня есть — ты, у тебя есть — я. Живут же без детей?! Живут и после того, как похоронили своих детей. Жуть, кошмар, но ведь живут! И мы с тобой будем жить.

Гангрена уже не таилась, не тлела. Она наступала, ползла вверх по голени. Стопа распухла и почернела. Лада упорно ставила компрессы из капустных листьев и лопуха, готовила травяные припарки. Пробовала китайские бады, купленные за большие деньги. Они оба боялись операции, и она выискивала новые средства, обещавшие чудеса исцеления. Олег все чаще утешался частушкой: *хорошо тому живется, у кого одна нога...*

Квартиру обживали болезнь и старость.

Весной ворвался телефонный звонок, от которого распахнулась форточка. Картавый женский голос по громкой связи вымучивал русские слова, и Лада превратилась в слух:

— Здравствуйте, я — Айрин. Жена вашего сына. Я — англичанка. Мы вместе пять лет. У нас — сын. Тоже пять лет. Сейчас мы с сыном в Лондоне, у моих родителей. Через три дня вернемся в Манилу. Но я поменяла билеты, чтобы через Москву. Специально сделала. Хочу познакомиться. Хочу показать вам внука. Он тоже — Олег, как русский дедушка. Ваня так назвал. Когда ваш русский Олег был в Маниле, Ваня не хотел, чтобы мы возвращались. Я спросила: разве нельзя познакомиться с твоим отцом? Он молчал. Почему такие тайны? Ваня не объяснил. Он многое не может объяснить. Просто молчит. Это тяжело. Я хочу видеть вас. И маленький Олег хочет. Он знает по-русски *здравствуйте* и *спасибо*. Мы можем встретиться в Москве?

Рыжую, веснушчатую Айрин в лодочках на босу ногу — за окном март — и такого же рыжего внука встретили ласково, хотя и растерянности скрыть не смогли. С откровенным любопытством разглядывали друг друга. Угощали блинами с красной икрой. Подыскивали слова и общие темы. Сильно радовались, что чай сближает русских и англичан. Больше всего сноху удивили книги, полки с книгами — от пола до потолка. Айрин ахнула, потом взвизгнула, вычитывая на корешках:

— Шекспир, Томас Харди, Диккенс, Теккерей, Джон Голсуорси, Конан Дойл, Сомерсет Моэм... Столько книг? Вся английская классика. Ваня тоже любит читать. Все русские такие, да? Он окончил Оксфорд. У него диплом бакалавра. Орнитолог. Мы с Ваней в Оксфорде познакомились.

— Как хорошо! Мы не знали. Ваня с детства мечтал о своем зоопарке, — Олег улыбался, хотя на лбу выступили мелкие капельки пота. — У него в Маниле свой зоопарк?

— Это шутка? — Айрин подседа поближе к Олегу. — Он работает в зоопарке Манила-Зоо, самом знаменитом и богатом на Филиппинах. Вы посещали Манила-Зоо?

Она заглядывала в глаза Олегу и Ладе, будто только за тем и приехала, чтобы спросить:

— Что произошло со всеми вами? Что случилось? Почему Ваня не любит своего детства? Сказал, что детства у него не было. Какая-то травма, комплексы? Он посещал психоаналитика? Почему ему нельзя приехать на родину, хотя бы ненадолго? Почему вы, его родители, такие хорошие люди, ни разу к нему не приехали? И не интересовались его жизнью?

Лада следила за разговором и выкладывала перед внуком коллекционные модельки «жигулей» и «москвичей». Симпатяга, смешной, но совсем другой породы. Он запускал машинки одну за другой, ловил их, открывал дверцы, проверял колеса, потом оглянулся на Айрин и спрятал машинки в карманы шорт.

— Ты любишь птиц, Олег?

— Он любит машинки и гаджеты, — Айрин что-то строго сказала по-английски, и мальчик вытащил машинки.

— И к лучшему. Вот и хорошо, что любит машинки. — Лада цвела от радости, забытой в заботах и тревогах за здоровье Олега. — Пусть заберет все, пусть. Хорошо, что он другой. Он даже еще не Олег. Не дорос, — четко артикулируя каждое слово, объяснила она Айрин. — У главного русского поэта Пушкина есть «Песнь о вещем Олеге». Олег — это мудрый, сильный князь. В общем, настоящий мужчина, супермен. А наш Олег, — она взяла мальчика на руки, прижала к себе, и он не испугался, а погладил ее по щеке, по волосам. — Он еще — Олежка. Маленький, совсем еще детеныш! Ты — как Бэмби. Ты — наш олененок, Олешка!

— Сын, — прошелестели слипшиеся губы, — воды.

Наркоз еще действовал. И Олег то всплывал, то опять впадал в забытье. Укачивало не хуже, чем в джутовом гамаке, только попугаи почему-то не гомонили. Наверное, улетели. Или спят.

— Сын, сын...

Короткометражка памяти взяла новый разбег.

— Успели раскрасить, — пробилось в сознании, — гламурненько...

И когда ярко, во весь экран взошло веснушчатое лицо с рыжими вихрами, он напрягся и разлепил губы:

— Олешка!